

УДК 811.161.1-112

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ТЕКСТОВЫХ
КАТЕГОРИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ XVIII в. ****Е.М. Шептухина, И.С. Герасимова***Аннотация**

В статье охарактеризованы конститутивные текстовые категории информативности, интенциональности, когезии и когерентности, реализованные в документах канцелярии Михайловского станичного атамана Области Войска Донского (1734–1746 гг.). Выявлены два типа информативности: текстовая, выраженная лексическими средствами, и документная, эксплицированная речевыми структурами в функции реквизитов. Определены авторские интенции, лексические и грамматические средства их выражения; показано, что особенности адресанта документных текстов обусловлены такими его свойствами, как полисубъектность и полигlossenность. Установлено, что реализация взаимосвязанных категорий когезии и когерентности обеспечивается лексическими повторами, употреблением синонимов, указательных местоимений и подчинительных союзов, заменой тематического компонента предшествующего текста личными и относительными местоимениями.

Ключевые слова: региональные документы, история русского языка, текстовые категории, информативность, интенциональность, когезия, когерентность.

Смена лингвистической доминанты на текстоцентрическую, произошедшая в последние несколько десятилетий, способствовала изменению вектора исторического изучения деловой письменности: возрастает интерес к региональному деловому тексту предшествующих эпох как к целостному системно-структурному образованию. При этом в центре внимания лингвистов находятся прежде всего жанровые особенности региональных документов и их дискурсивные свойства (см. [1; 2, с. 26–46; 3]); что касается аспекта текстовых категорий, то наиболее разработанными можно считать категории адресата и адресанта, локальности (см. [3–5]). Однако другие текстовые категории практически не рассматриваются, следовательно, любые вопросы в этой области актуальны и могут быть обсуждаемы.

В статье представлен фрагмент комплексного лингвистического описания скорописных документов канцелярии Михайловского станичного атамана Области Войска Донского (ДОВД), хранящихся в Государственном архиве Волгоградской области. Часть из них опубликована (см.: ДКМСА). К числу рассмотренных документов относятся войсковые грамоты, направлявшиеся в станицы из канцелярии Области Войска Донского; указы и предложения сыскных начальств и комиссара Астраханского тракта о розыске беглых крестьян и солдат; приказы

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-14-34008 «Речевая структура документов Области Войска Донского XVIII–XIX вв. как отражение взаимодействия различных культурно-языковых традиций».

и рапорты Царицынской комендантской канцелярии Новохоперской крепости о препровождении беглых; приговоры станичных сборов; рапорты станичных атаманов и др. Статья посвящена выявлению языковых средств реализации информативности, интенциональности, когезии и когерентности как конститутивных текстовых категорий.

1. Языковые средства, реализующие информативность. Документный текст, по справедливому замечанию М.В. Косовой, безусловно, имеет свой набор категорий, при этом наиболее важной для него является категория информативности [6, с. 85]. Как показала О.Н. Краснова, исследуя современные научные документы, категория информативности представляет два типа информации: текстовую, связанную с реализацией информативной функции документа, и документную, включающую информацию об адресанте и адресате, дате создания документа и т. п., которая содержится в реквизитах документов [7, с. 9–10]. Такая дифференциация информации возможна и при изучении деловых бумаг XVIII в., поскольку позволяет с общих позиций изучать, с одной стороны, документы, сохраняющие особенности приказного делопроизводства, при котором «реквизиты (обязательные содержательные и формальные элементы, придающие документу юридическую силу) в подавляющем большинстве случаев синтаксически и графически не выделены из текста, а включены в структуру предложений» [8, с. 78], и, с другой стороны, документы, составленные с учетом новых правил, требующих обособления реквизитов в речевой структуре текстов.

Одним из способов репрезентации текстовой информативности в исследуемых региональных документах является интегрированность тематических компонентов, которая достигается посредством использования лексики определенных тематических групп. Наиболее значимой для организации текстового пространства и наиболее частотной оказывается лексика, которая отражает жизнь казаков, военную и политическую организацию, иерархические отношения внутри Войска Донского.

К этой тематической группе можно отнести номинации казачьих чинов, встречающиеся в исследуемых текстах: *атаман (отаман)*, *казак*, *войсковой старшина*, *комендант* (данный вариант написания отражает аканье, ср. общелитературное *комендант*). Лексема *атаман* имеет значение «выборный руководитель в казачьих войсках и селениях» (СДГВО, вып. 1, с. 39). Однако, как правило, она употребляется в составе словосочетаний, обозначающих различные военные должности: *войсковой атаман* – «главный руководитель Войска Донского, который наделен верховной властью на Дону; назначался царем» (СДГВО, вып. 1, с. 40), *станичный (станицный) атаман* – «избранный местным населением руководитель станицы, власть которого распространяется и на хутора, относящиеся к станице» (СДГВО, вып. 1, с. 40), *походный атаман* – «начальник казачьего войска во время походов, войны, выборное лицо в первый период истории казачества» (БТСДК, с. 25).

Формирование значения слова *казак* обусловлено историческими реалиями. В Словаре донских говоров Волгоградской области в качестве основного приводится такое значение этого слова: «представитель военного сословия, сложившегося на окраинах России и используемого царским правительством для охраны границ и порядка в государстве» (СДГВО, вып. 3, с. 13). Вместе с тем

ученые, занимающиеся историей донского края (см. [9]), указывают на то, что этот статус казаки получили не ранее XVIII в.; об этом свидетельствуют и данные Словаря русского языка XVIII в., в котором лексема *казак* определена следующим образом: «В XV–XVII вв. – вольный человек из бежавших на окраины русского государства; с XVIII в. – представитель особого военного сословия, житель войсковых областей России (Дона, Запорожья, Яика), несший военную службу за льготное пользование землей» (СлРЯ XVIII, вып. 9, с. 192).

Словосочетание *войсковой старшина* используется для определения офицерского чина в казачьих войсках царской России. А появление заимствованной лексемы *комендант*, обозначающей начальника войск города, связано с возникновением в 1710 г. в результате реформ Петра I такой должности [9, с. 78].

К этой тематической группе также относятся слова и словосочетания, называющие официальные учреждения (*канцелярия войсковых дел, военная коллегия*); формы и способы управления Войском и его административно-территориальными подразделениями: *сбор* – «заседание станичного правления и выборных от хуторов» (БТСДК, с. 478), *войсковой круг* – «орган казачьего управления при войсковом атамане» (БТСДК, с. 59), *воинский суд, станичное правление* – «орган управления станицей, хуторами» (БТСДК, с. 507); поселения: *станция* – «административно-территориальная сельская единица, состоящая из одного или нескольких казачьих поселений» (БТСДК, с. 507), *казачий городок* – «древнее казачье поселение, обнесенное валом, частоколом или плетением и укрепленное» (БТСДК, с. 156).

О документации в учреждениях Войска можно судить по встречающимся наименованиям деловых бумаг, свидетельствующим о сосуществовании традиционных и новых видов документов. Например, такой жанр деловой письменности, как *грамота*, сложился на Руси в XI–XII вв., жанр *сказка* (*скаска* – вариант написания в нашем материале), представляющий письменные показания по определенному допросу, появляется в московских приказах в XVII в. Наряду с этими документами в связи с расширением общественной жизни государства возникают и новые (*промемория, рапорт* и др.).

Особую значимость в региональных деловых документах XVIII в. имеют прилагательные *донской, войсковой, станичный* [8, с. 79]. Рассмотрим эти лексемы в аспекте информативности региональных документов XVIII в. Так, в структуре лексемы *донской* суффикс *-ск-* эксплицирует значение «относящийся к тому или свойственный тому, что названо производящим словом», поэтому можно определить прямое значение лексемы *донской* как «относящийся к реке Дон, расположенный на берегу реки Дон». В Словаре донских говоров Волгоградской области приводится и значение лексемы *Дон*, специфичное для говоров: «территория Усть-Медведицкого округа» (СДГВО, вып. 2, с. 98). В этой связи правомерно утверждать, что лексема *донской* обозначает отнесенность к более обширной территории, охватывающей Дон и все его притоки и являющейся областью расселения казаков. В таком значении лексическая единица употребляется в наименовании донского казачества, войска (*войско донское, донские казаки*). Таким образом, единица *донской* несет в себе информацию большую, чем нуль (по концепции И.Р. Гальперина), то есть имеет ценность, которая

вслед за И.Р. Гальпериным понимается нами как новая информация, получаемая от языковой формы и содержащаяся в самом языковом знаке [10, с. 18].

Информативной ценностью обладают лексемы *войсковой* (относящийся ко всей территории Области либо ко всему Войску как специально организованному сообществу, расположенному на данной территории, а также имеющий определенный статус) и *станичный* (не только относящийся к станице как административно-территориальной единице, но и имеющий определенный статус). Так, станичный атаман определяется в военной иерархии казаков как лицо, нижестоящее по отношению к войсковому атаману. Этот факт становится понятным и из структуры нашего материала, значительную часть которого составляют войсковые грамоты, направленные от войскового атамана Михайловскому станичному атаману: *ГД донски^x атамано⁶ икасако⁶ о^m войскового опре^{де-}ленного доука^{3y} атамана івана івановича с^{на} өролова ио^m всего войска до^{скаго}: похопру вмихаиловскую станицу станицно^{му} атаману симгону каганину иказака^m* (ДОВД, ед. хр. 1, л. 3)¹.

Реализации текстовой информативности способствуют языковые средства, создающие объективированность изложения. В рассматриваемых текстах документов ее репрезентантом являются слова, в значении которых содержится семантический компонент 'свидетельствование': *иннѣ опрiho^{де} иожитии надону свидете^лство имгю^m ото^m бы приве^зли^б собою кна^m вче^p каской скаски* (ДОВД, ед. хр. 3, л. 3 об.); *сви^{де}тели нио^дного непоказа^лъ, в свидетелство никого он^{ткачь} ненашо^л* (ДОВД, ед. хр. 7, л. 5 об.). Анализ словоупотреблений четко показывает картину социального устройства казачьей жизни, где свидетельство является гарантией истинности событий.

Собственно документная информативность характеризуется в рассматриваемых документах устойчивостью средств ее реализации, то есть однотипностью речевых структур, употребляемых в функции реквизитов. К ним относятся обозначение адресата и адресанта, название документа, собственно текст документа, подпись, дата.

В построении документного текста можно выделить начальную формулу, которая включает указание на адресанта и адресата. Сведения об адресате в большинстве исследуемых документов располагаются после сведений об адресанте. Лицо может быть названо обобщенно (*станицному атаману іказакамъ*) или конкретизировано именем собственным в дат. п. с указанием должности (*упровляюще^{му} почтьместерскую до^лжность казаку сеновию рвачеву*). Адресатами во всех изученных нами документах являются станичные атаманы и казаки, при этом территория управления подчеркивается посредством указания станиц и места их расположения, например: *о^m цы^m лянской доказан^ской похоп^сру о^m бужканов^ской домихаиловской помедведицы о^m астрав^ской добгрезовской побузулуку о^m алг^згв^ской дофилоновской станицъ станицны^m атаманамъ икозака^m* (ДОВД, ед. хр. 4, л. 1). Если лицо в военной иерархии является вышестоящим, то обязательным условием его наименования выступает этикетная форма обращения с указанием чина и регалий: *высокоро^оно^{му} и высокопревосходит^лно^{му}*

¹ Здесь и далее текст приводится с сохранением орфографии источника, титла не раскрываются, выносные буквы сохраняются.

ѣдну генераль-порутчику войсково^{му} атаману и кавалеру алексею ивановичу иловайскому (ДОВД, ед. хр. 13, л. 18). Однако в доношении как отчетно-исполнительном жанре адресат выражается формой им. п. и стоит в препозиции: *Благородны и почтѣнны ѣднѣ капита^н в хоперской крѣпости камендантъ анамѣ милостивѣ ѣдрѣ иванѣ андрѣевичѣ* (ДОВД, ед. хр. 7, л. 5).

Расположение сведений об адресанте в региональных документах XVIII в. обусловлено жанром. Так, в войсковых грамотах текст начинается с указания адресанта: *Сѣ донски^х атамано^в и казако^в*. Далее адресант конкретизируется именем войскового атамана (иногда с отчеством и прибавлением этикетного слова *господинѣ*), которое, вероятно, приводилось для подтверждения подлинности документов, так как подпись в войсковых грамотах не ставилась. В других документах автор указывается под основным текстом посредством подписи, под которой понимаются написанные собственноручно имя и фамилия с указанием военного чина: *михаиловскои станицы атаманѣ Трифо^в калин[...]* (ДОВД, ед. хр. 7, л. 5 об.). За подписью в большинстве документов следует дата (подробно варианты оформления дат рассматриваются в [8, с. 78]).

Значительная часть документов заверяется печатью, сопровождаемой приписками: *усеи грамоты наша воиска донскаго печать; утвердя станицную печатью*. Если документ является копией, то после даты отмечается наличие печати в оригинале: *наподлѣнної тако воиска донскаго печать*.

2. Языковые средства, реализующие интенциональность. Изучение способов проявления адресанта в деловом тексте XVIII в. – актуальная лингвистическая проблема, частично нашедшая отражение в исследованиях последних десятилетий (см. [3, 11]). Тот факт, что интенциональность делового текста ранее не была предметом активного научного рассмотрения, можно объяснить двумя обстоятельствами. С одной стороны, долгое время в лингвистике текста господствовала теория, согласно которой «любой официальный документ имеет своего непосредственного создателя, однако он, в смысле формы представления, полностью отстранен от своего текста» [12, с. 56]. Вследствие этого многие специалисты в области лингвистики текста сознательно отказываются от рассмотрения категории интенциональности в нехудожественных текстах. С другой стороны, трудности рассмотрения выражения интенциональности делового текста в диахронии объясняются спецификой создания документов разных эпох. Однако, опираясь на сложившееся в лингвистике представление о том, что интенции адресанта находят отражение в используемых им языковых средствах, в анализируемых нами текстах можно выявить следующие интенции автора: указать на общность принятия решений в среде казаков; показать уважительное отношение, проявить почтение к государю; занять позицию «самонейтрализации» по отношению к власти.

Исследуя тюменскую деловую письменность XVIII в., О.В. Трофимова пишет о полисубъектности делового текста, его коллективной сущности: «Пока неразрешимой остается проблема “сотрудничества” реального адресанта документа (как правило, тексты документов не “надиктовывались” адресантом и не писались им собственноручно) и писца, перед которым стояла принципиальная филологическая проблема интерпретации информации, свертывания ее и создания

на ее основе текста вторичного (в любом случае: либо по отношению к устной речи, либо по отношению к иницирующему источнику) документа» [3, с. 38].

Систему оценок реалий действительности и, как следствие, интенцию, направленную на адресата, во многом определяет статус субъекта текста, а не его личные предпочтения, поэтому для документного текста значимы социальные характеристики автора. В этой связи отметим, что роль пишущего выполнял войсковой писарь, который избирался из числа грамотных казаков; кроме него никто не имел права писать и посылать бумаги от Войска [9, с. 46]. В исследуемых нами текстах автор и писец – разные люди. Думается, что здесь возможны два типа отношений между ними: текст войсковому писарю диктовался высокопоставленным лицом или создавался на основе его рассказа как вторичный. Если автор не диктует, а просто говорит на заданную тему, то, по мнению А.В. Косивцовой, задача писаря как исполнителя воли автора могла состоять в адекватной трансформации (переложении) устной речи говорящего в письменный текст; таким образом, пишущий является «посредником» между автором (диктующим) и адресатом [13, с. 259].

В исследуемых документах интенции автора проявляются прежде всего в реквизитах, определяющих адресанта. Например, в грамотах: *ГД донски^х атамано^в иказако^в о^м гсдна воисковаго атамана данила ефремовича ио^м всего воиска до^нскаго* (ДОВД, ед. хр. 4, л. 1); *ГД донски^х атамано^в иказако^в о^м войсковаго опре^{де}лнного доуказу атамана ивана ивановича с^на еролова иотвсего воиска донскаго* (ДОВД, ед. хр. 1, л. 5). Как показывают примеры, адресант обладает свойством полиглосности, то есть действует от имени всего Войска, что, на наш взгляд, не только продиктовано традициями казачьего делопроизводства, но и напрямую связано с интенцией автора документа – подчеркнуть коллегиальность управления Областью Войска Донского и указать на такие положительные качества казаков, как соборность, духовное единство, общность принятия различных решений.

Характеризуя автора документного текста, нельзя не отметить роль лица, визирующего документ, тем самым берущего на себя ответственность и, следовательно, становящегося соавтором. О наличии в войсковой канцелярии человека, занимающегося проставлением печати и подтверждением подлинности документов, говорят выполненные другим почерком приписки: *У сеи грамоты наша войска Донскаго печать.*

Все субъекты, а именно: диктующий, войсковой писарь и лицо, визирующее документ, – так или иначе отражаются в тексте, однако точную долю участия каждого из них в создании документа установить практически невозможно. Коллегиальность управления подчеркивается во многих речевых оборотах с помощью словосочетания *войско донское* и местоимений *мы, наши*, например: *от нас войска донскаго; к нам войску донскому; мы войском донским доложили; нам войсковому атаману и Войску Донскому.* Этой же цели подчинено использование глаголов I л. мн. ч. (*повелеваем, объявляем, допровляем* и др.).

Одна из основных интенций автора делового текста XVIII в. – показать уважительное отношение, проявить почтение к государю. Среди языковых средств, использующихся для обозначения этого социально значимого лица в документах канцелярии Михайловского станичного атамана, выделим клишированные

обороты с использованием церковнославянских грамматических форм: *ея императорскаго величества* (как правило, выделено графически увеличением высоты букв).

Средствами экспликации подчиненности власти могут быть разнообразные лексические единицы. Так, в текстах прошений частотно использование глагола волеизъявления *соблаговолить* со значением «позволить, разрешить» (СлРЯ XI–XVII, вып. 26, с. 15): *какъ ваше высокоблагороди івоиско до^нское **соблаговолите*** (ДОВД, ед. хр. 5, л. 7); *милост[и]вой резолюціі, что **со^благоволено** было бы на^н **по^жнейши^н** вте места [...] ехать* (ДОВД, ед. хр. 5, л. 6). Этот глагол значим для реализации в тексте авторской интенции, заключающейся в том, чтобы продемонстрировать готовность подчиняться высшей государственной власти (однако отметим, что употребленная в последнем примере форма превосходной степени прилагательного *покорный*, определяющая максимальное подчинение власти, в тексте документа зачеркнута).

Выражение почтения к государю и вышестоящей власти может эксплицироваться лексическими единицами, используемыми в завершении документа и указывающими на его автора; они демонстрируют смирение, а порой и самоуничтожение: *А како **оста^нясь при^дании моего нискаго поклона ваше^н благородию **послушны слуга** мишаиловской станицы атаманъ Трифон калин[...]*** (ДОВД, ед. хр. 7, л. 5 об.).

Почтение государю опосредованно выражается эмотивными лексемами. Рассматривая семантику эмотивов в документах Михайловского станичного атамана, Е.Г. Дмитриева приходит к интересным заключениям относительно их контекстуального употребления, отражающего тенденцию сближения личностного (эмоционального) и социального начал. Например, словосочетание *гнев императорскаго величества* характеризует ситуацию, когда, с одной стороны, носителем эмоции выступает лицо социально значимое, а с другой – чувство гнева перестает характеризовать его носителя и обращается на объект, выступающий в данном случае образцом отрицательно оцениваемой модели поведения; в словосочетании *на страхъ другимъ* лексема *страхъ* не только выражает эмотивное значение, но и характеризует покорность, послушание как одобряемое социальное поведение [14, с. 25–26]. По-видимому, для адресанта текста как христианина важно показать идеал общественных отношений, опирающийся на евангельскую модель «быть покорным высшим властям» (Римл. 13: 1).

Одной из интенций региональных документов XVIII в. является стремление к объективированию изложения, с которым связана сознательно занимаемая автором позиция «самонейтрализации» по отношению к власти. На наш взгляд, этой цели подчинено использование отсылок к вышестоящим органам и документам (Синоду, Сенату, указам государя и др.), например: *по^нпределънию оно^го синода аповедению правите^лствующаго сената* (ДОВД, ед. хр. 4, л. 1); *посиле вышепомянуты^х указов* (ДОВД, ед. хр. 3, л. 1); *того ради вои^нполнения оно^го ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТА указу* (ДОВД, ед. хр. 4, л. 1 об.).

3. Языковые средства, реализующие когезию и когерентность. Как утверждает Н.С. Валгина, «глобальная связность (а она приводит к содержательной целостности текста) проявляется через ключевые слова, тематически и концептуально объединяющие текст и его фрагменты» [12, с. 49]. Ведущая роль здесь

принадлежит лексике. Так, существительное может участвовать в реализации когезии, приобретая функции связи предложений, когда оно в них повторяется. Например: *укра¹ оног^{жс} по¹ку усе^ржанта а^ртемья си^р[...] малои **сундучекъ** окованъ жеселомъ, автомъ^{де} **сундуке** со^бственныхъ ево днѣгъ два^тцать одинъ рубль вос[...] пять копейкъ давсяки писемъ исаписок нем[...]* (ДОВД, ед. хр. 1, л. 2); *послатъ нарочны^х ите^х **бѣгльцо^б** какъ возможно ссыкивать, авпре^о ежели какие бѣглые явя^тца, потому^{жс} ловить икикого по^ожестокимъ штрафомъ о^тнюдь непринимать, ихотя потои ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА грамоты опомки пре^оряского уезду, идруги^х великорос **бѣгльцо^б*** (ДОВД, ед. хр. 5, л. 3). Как показывает анализ, функцию средств связи в самостоятельных предложениях выполняют лексические повторы не только существительных, но и глаголов, прилагательных и других частей речи.

В реализации когезии участвуют и синонимы. Например, в рассматриваемых нами текстах слова *бѣглец* – «тот, кто совершил побег, убежал откуда-л.» (СлРЯ XVIII, вып. 2, с. 49), *колодник* – «арестант в колодках; вообще узник, арестант» (СлРЯ XVIII, вып. 10, с. 176), *бѣглои* – «убежавший, находящийся в бегах» (СлРЯ XVIII, вып. 2, с. 51), *разбѣжавшии* (*ро^ббѣжавшии*) человекъ являются контекстуальными синонимами: *о^значенной бѣглои и^звоицикъ мазуринъ; бѣглецъ семень никиторовъ прозвание^м мякишевъ; оног^о коло^оника; ра^ббѣжавши^х ряского уезду людѣи икрѣстьянъ*. Последовательное использование этих лексем в войсковых грамотах о розыске беглых помогает организовать текстовое пространство за счет ключевых слов. Повторяющийся компонент скрепляет предикативные части, подчеркивая семантическую цельность всей конструкции и текста.

Связность и словесную организацию делового текста обеспечивают и указательные местоимения. В нашем материале активно употребляются указательные местоимения *сей, оный*, выполняющие идентифицирующую, дейктическую и определительную функции, они сочетаются с антропонимами, названиями документов, учреждений, временными лексемами, абстрактными существительными: *оные смешкины* (ДОВД, ед. хр. 1, л. 1 об.); *соонными поступать поуказо^т ка^к выше сего исо^бражено* (ДОВД, ед. хр. 3, л. 1); *онья давать поордерам командующа* (ДОВД, ед. хр. 2, л. 2); *чтоде сего генваря 12г дня* (ДОВД, ед. хр. 1, л. 2). На особую роль указательных местоимений в реализации связности указывает Т.В. Милевская: «Совмещая функцию указания с функцией замещения antecedентных референтных словоформ, дейктические местоимения играют важнейшую роль в организации речевых единиц, выступая как средства синтаксического дейксиса, оформляющие связь единиц текста» [15, с. 39].

Еще одним средством организации связи в рассматриваемых нами текстах служит замена тематического компонента предшествующего текста личными и относительными местоимениями. Например: *поподанному <...> доношению; которы^м о^бяви^л якобы ево о^тва^{жс}ские крестьянъ живу^т ввашей станице* (ДОВД, ед. хр. 1, л. 3); *ежели где явятся малоросиисцы все^х и^здетьми и^х для онаго толко и^звестия сколко оны^х все^х буде^т переписа^т особо поро^зну показавъ которые изнихъ желаютъ укого игде доброволно воу^слу^{жс}нии инапашняхъ жить* (ДОВД, ед. хр. 3, л. 1). По-видимому, уже в это время в документных текстах формируются конструкции «личное местоимение + разъясняющее его существительное

или прилагательное» (*онъ селиванъ, мы вышешисанные, вы станицнои атамаⁿ каганиⁿ казаки*), которые впоследствии приобретут статус клише официально-делового стиля.

На грамматическом уровне взаимосвязанные категории когезии и когерентности реализуются прежде всего посредством союзов.

Наиболее частотны выражающие разнообразные синтаксические отношения подчинения союзы *чтобы, когда, который, дабы*. При этом союзы *чтобы* и *дабы* используются в нашем материале в качестве синонимов и употребляются как единое по смыслу средство связи в контексте: *онои по^oпоⁿковникъ ша^pоъ требова^t дабы т[...] было осыску о³наченного и³вощика масурина предло[...] к воиску донскому ичто^b мы воискомъ донскимъ прото[...] жили^{жс} осыску копоимке оного и³вощика масурина* (ДОВД, ед. хр. 1, л. 2). Следует, однако, отметить, что рассмотренный нами материал подтверждает наблюдения А.П. Майорова о том, что союз *дабы* значительно ограничен в употреблении, поскольку в документах он стилистически маркирован и употребляется, как правило, в конструкциях с общей семантикой волеизъявления [2, с. 100]: *накрепкож подтвердит: дабы вы станицные атаманы икозаки, разбъжавших ряского уезду людъи икръстьянъ, ипро^mчих бъзнашпортны^x бродягъ, всеми образы имгъры присматривая ловили* (ДОВД, ед. хр. 5, л. 3 об.); *требовано определения дабы ввойске донском впред внаряд^x затру^oнения: ико^oправлению поуказомъ вслужбы и впоходы остоновки быть немогло* (ДОВД, ед. хр. 1, л. 5).

Итак, в исследуемых документах конститутивные категории текста – информативность, интенциональность, когезия и когерентность – имеют специфические способы и средства репрезентации. Было установлено, что единицы разных уровней языковой системы в контексте приобретают возможность реализовать текстообразующий потенциал, организуя текстовое пространство.

В документе находят свое выражение два типа информативности: текстовая, связанная с реализацией информативной функции документа, и собственно документная, или формальная, репрезентирующая реквизитный состав документа. Текстовая информативность в рассмотренных документах реализуется на разных языковых уровнях, однако ядро ее составляют слова тематических групп, связанных с жизнью и военной службой казаков, а также лексика с семантическим компонентом ‘свидетельствование’, посредством которой объективируется изложение. Документная информативность в рассмотренных текстах реализуется устойчиво повторяющимися речевыми оборотами, представляющими адресата, адресанта, дату, подпись и другие реквизиты.

Категория интенциональности эксплицируется в проанализированных документах разнообразными лексическими единицами (антропонимами, эмотивами, глаголами волеизъявления, прилагательными, называющими качества человека и др.) и грамматическими формами (личными местоимениями 1 л. мн. ч., притяжательными местоимениями, глаголами в форме 1 л. ед. и мн. ч., речевыми формулами, называющими адресанта и включающими существительные во мн. ч.). Перечисленные языковые средства используются в документах канцелярии Михайловского станичного атамана для выражения авторских интенций, заключающихся в следующем: указать на общность принятия решений в среде казаков; показать уважительное отношение, проявить почтение к вышестоящей власти и государю;

занять позицию «самонейтрализации» по отношению к власти. Особенностью адресанта исследуемых текстов является его полигlossenность и полисубъектность. Полигlossenность, на наш взгляд, напрямую связана с интенцией, а следовательно, с текстопорождением и заключается в стремлении говорить от лица всего Войска. Полисубъектность – свойство, непосредственно связанное с процедурой создания текста и указывающее на его участников: диктующего, войскового писаря и лицо, визирующее документ.

Когезия и когерентность в документах Области Войска Донского обеспечивается лексическими повторами, употреблением синонимов, указательных местоимений и подчинительных союзов, заменой тематического компонента предшествующего текста личными и относительными местоимениями.

Summary

E.M. Sheptukhina, I.S. Gerasimova. Language Means of Implementation of Text Categories in Regional Documents of the 17th Century.

The article describes the constitutive text categories of informativity, intentionality, cohesion and coherence, implemented in the documents of the Village Office of Michael's Ataman of the Don Army Region (1734–1746). Two types of information content are identified: the text one, expressed by lexical means, and the document one, which explicates the details. Author's intentions and the lexical and grammatical means of their expression are defined. It is shown that the characteristics of the sender of document texts are due to its properties such as polysubjectivity and polyglottism. The authors argue that the interrelated categories of cohesion and coherence are implemented by lexical repetitions, the use of synonyms, demonstrative pronouns and subordinating conjunctions, as well as by the replacement of the thematic element of the preceding text by personal or relative pronouns.

Keywords: regional documents, history of the Russian language, text category, informativity, intentionality, cohesion, coherence.

Источники

- ДОВД – Документы канцелярии Михайловского станичного атамана Области Войска Донского // Гос. арх. Волгоград. обл. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 1–12, 1734–1746 гг.
- ДКМСА – Документы канцелярии Михайловского станичного атамана: препринт / Сост. и подгот. текстов: О.А. Горбань (отв. ред.), Е.М. Шептухина, Е.Г. Дмитриева, А.А. Макушина, И.С. Маноцкова, Э.У. Саидгасанова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. – 43 с.
- БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества. – М.: Рус. слов.: Астрель, 2003. – 606 с.
- СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. Р.И. Кудряшовой. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006–2009. – Вып. 1–6.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28.
- СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. – СПб.: Наука, 1984–2013. – Вып. 1–20.

Литература

1. *Леонова Ю.Ю.* Языковая объективация просьбы в челобитных XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2013. – 18 с.

2. *Майоров А.П.* Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. – М.: Азбуковник, 2006. – 262 с.
3. *Трофимова О.В.* Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2002. – 42 с.
4. *Горбань О.А.* Композиция и языковые особенности документов канцелярии правительства Области Войска Донского // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2012. – № 2 (16). – С. 11–16.
5. *Горбань О.А.* Категория локальности в текстах региональных документов XVIII века (на материале документов канцелярии Области войска Донского) // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2013. – № 7. – С. 21–30.
6. *Косова М.В.* Информативность документного текста: лингвистические критерии меры // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2013. – № 3 (19). – С. 85–89.
7. *Краснова О.Н.* Композиционно-речевая организация научного документа (на материале авторефератов диссертаций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – 21 с.
8. *Горбань О.А., Шептухина Е.М.* Региональные документы XVIII века: аспекты лингвистического описания // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2013. – № 3 (19). – С. 76–84.
9. *Агафонов А.И.* История донского края: XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение. – Ростов н/Д: Приазовский край, 2001. – 382 с.
10. *Гальперин И.Р.* Информативность единиц языка // Гальперин И.Р. Избранные труды. – М.: Высш. шк., 2005. – С. 7–194.
11. *Мальшиева И.А.* Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. – Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. пед. ун-та, 1997. – 182 с.
12. *Валгина Н.С.* Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 279 с.
13. *Косицова А.В.* Лингвопрагматический анализ языковой личности заводчика Н.А. Демидова (на материале частно-деловых писем XVIII в.) // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – 2010. – № 1. – С. 258–264.
14. *Дмитриева Е.Г.* Развитие значений эмотивов в языке деловых документов // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2013. – № 2 (18). – С. 23–27.
15. *Милевская Т.В.* Связность как категория дискурса и текста: Когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты: Дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов н/Д, 2003. – 390 с.

Поступила в редакцию
23.07.14

Шептухина Елена Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и документалистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия.

E-mail: sheptukhina@yandex.ru

Герасимова Ирина Сергеевна – аспирант кафедры русского языка и документалистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия.

E-mail: ari-19@yandex.ru